

СМЕРТЬ НАСТУПАЕТ МГНОВЕННО, СКОРБЬ ДЛИТСЯ ГОДАМИ

Історія етнічних німців України обтяжена багатьма чинниками. Виокремлено етапи формування репресивної політики радянської влади щодо німців. У статті викладено статистичні дані щодо арештів різних категорій населення за характером звинувачувальних вироків. Етапи руйнування національної ідентичності збігалися з періодами початку й процесу терору, який продовжувався щодо німців України.

Ключові слова: етнічні німці, репресії, релігія, форми та методи боротьби «Великий терор».

История этнических немцев Украины отягощена многими факторами. Выделены этапы формирования репрессивной политики советской власти по отношению к немцам. В статье изложены статистические данные по арестам различных категорий населения по характеру обвинительных приговоров. Этапы разрушения национальной идентичности совпадали с периодами начала и процесса террора, который продолжался относительно немцев Украины.

Ключевые слова: этнические немцы, репрессии, религия, формы и методы борьбы «Большой террор».

Die Geschichte der ethnischen Deutschen der Ukraine ist durch viele Faktoren belastet. Es wurden die Etappen der Formierung der repressiven Politik der Sowjetmacht in Beziehung zu den Deutschen ausgegliedert. Im Artikel sind statistische Angaben über die Verhaftungen unter den verschiedenen Kategorien der Bevölkerung nach dem Charakter der Anklageformeln dargelegt. Die Etappen der Zerstörung der nationalen Identität fielen mit den Perioden des Beginns und des fortsetzenden Prozesses des Terrors in Beziehung zu den Deutschen der Ukraine zusammen.

Schlüsselwörter: die ethnischen Deutschen, die Repressalien, die Religion, die Formen und Methoden des Kampfes, der «Große Terror».

The history of ethnic Germans in Russia is burdened by many factors, stages of development of Soviet society. The article identifies the periods when the repressive policy of the Soviet authorities was formed against the Germans, their characteristics and results were given. For the first time the labor service of Germans and Mennonites was described as a form of repressive policy, the specifics of the implementation of this policy in Ukraine, its difference from similar practice in other regions of the USSR, was noted. The problem of carrying out repressions, social, educational, party composition of the arrested is given on the materials of the Dnepropetrovsk region.

The article contains statistical data on the arrests of various categories of the population, according to the nature of the indictments. All spheres of public life, economies in which the largest and most irreparable human losses were recorded, were noted. Analysis of documents and statistics allowed the following generalizations to be made: the German diaspora of Ukraine during the «Great Terror» suffered great losses. She was subjected to repression both on her social and national grounds. The managerial elite, the intelligentsia, suffered especially big losses. The German church and schools were liquidated. The stages of the destruction of the national identity coincided with the periods of the beginning and the ongoing process of terror against the Germans in Ukraine.

Keywords: ethnic Germans, repression, religion, school, forms and methods of struggle, «The Great Terror».

История этнических немцев России отягощена не только социально-политическими потрясениями XX века, но и рядом серьезных факторов: внешнеполитических (противостоянием Германии и России в годы Первой мировой войны с антинемецкими кампаниями и «ликвидационным законодательством» этого периода, немецко-австрийским присутствием на Украине в 1918 г.); географических (близостью и потенциальными противниками СССР – Германией и Польшей); демографических (треть немецкого населения Советского Союза проживала в Украине); политических (приход в Германии к власти фашистов и возрастание опасности военного конфликта);

социальных (немецкое население, будучи традиционно более зажиточным, было экономически обескровлено в период коллективизации); религиозных (антирелигиозная кампания завершилась к середине 1930-х гг. полным разгромом католических костелов, протестантских церквей, меннонитских молитвенных домов, арестами и физическим уничтожением священнослужителей). С учётом особой роли религии в ментальности немцев понятно и всё значение произошедшего.

20-е – 30-е годы XX в. были периодом политики советизации населения страны. Власть прилагала большие усилия для формирования нового «советского» человека. И надо признаться, что на

этом поприще были достигнуты значительные успехи. Тем не менее, результаты не вполне удовлетворяли руководство страны.

Изменившаяся ситуация внутри правящей партии, сопровождавшаяся партийными «чистками», физическим устранением «неудобных»; реализация концепции «обострения классово-борьбы в процессе продвижения по пути социализма»; политические изменения в Европе – приход к власти фашистов в Германии и Италии – всё это послужило основанием для изменения форм и методов политики, окончательным отходом от методов воспитания, насильственного убеждения и перехода к радикальным формам – к террору, когда социально-классовый подход к выбору своих жертв отошёл на второй план и за основу был взят национально-политический принцип.

Целью данной статьи является определение этапов и форм репрессивной политики государства в отношении немецкого меньшинства в межвоенные годы. В каких областях социальной жизни они наиболее чётко были проявлены? Речь, в первую очередь, идёт о духовной жизнедеятельности немецкого этноса – религии и школе. Первая (религия) являлась этноконсолидирующим фактором, во многом сохраняя национальные традиции, продуцируя их дальнейшее развитие. Начальной ступенью религиозного воспитания была школа [1], являвшаяся частью исторически сложившегося организма: община – церковь – школа.

События первой половины 20-х гг. прошлого века, когда начался процесс конфискации церковного имущества, аресты священнослужителей, закрытие ряда кирх, костёлов, молитвенных домов, несмотря на то, что происходили в русле общегосударственной антирелигиозной политики, могут быть оценены как первый этап репрессий против немецкого населения. Ибо следует помнить об особой религиозности немецкого и меннонитского населения, являвшейся одной из основных особенностей их ментальности [2]. И если институты православной церкви, будучи одной из опор самодержавия, уже к началу Первой мировой войны в определённой степени себя дискредитировали (что в какой-то мере облегчило свержение царизма), то католическая, евангелическая церкви, как и меннонитские религиозные структуры, сохранили своё влияние на паству. И это серьёзно затрудняло начавшийся процесс «советизации» общества. Желание преодолеть это существующее препятствие, стимулировало действия властей в проведении антирелигиозной кампании.

Что же касается школы, то факты закрытия немецких школ в тот период из-за национально-политических соображений почти не обнаружены. Политику власти в отношении дореволюционного

учительского корпуса, когда осуществлялась массовая его проверка на политическую лояльность, политическая переподготовка 75% немецких учителей [3], скорее всего, следует расценивать как начальный этап борьбы власти за своё влияние на подрастающее поколение. И хотя подобное нельзя характеризовать как форму репрессивной политики, однако нельзя и не отметить наличие подобного явления.

События 1937–1938 гг. – массовые репрессии возрастной группы немецкого населения, чьё формирование гражданственности пришлось на 1920-е гг., свидетельствует о том, что советская власть усомнилась в эффективности своей работы в те годы. В целом, характеризуя политику государства 1920-х гг. в отношении национальных меньшинств, в том числе и к немецкому населению, следует отметить её взаимоисключающие проявления: антирелигиозная пропаганда и восстановление функционирования национальной школы; политика коренизации и процесс перевоспитания учительства; изъятие из школ и библиотек религиозной литературы и создание Всеукраинского филиала Центрального издательства народов СССР, выпуск литературы на немецком языке, формирование нового учительства. В целом следует признать, что репрессивная машина государства в 20-е годы XX в. в сфере национальных отношений только начинала свою «жатву» немецкого населения, хотя факты подавления выступлений колонистов против продразвёрстки, конфискации собственности больших хозяйств имели место.

Такая ситуация была обусловлена в значительной мере статьями Брестского мира, предусматривавшими возможность 10-летнего периода выезда из страны немцев в Германию, наличием советско-германских торгово-экономических соглашений, которые в определённой мере экстраполировались на немецкое население СССР.

Следующим этапом формирования репрессивной политики государства стали 1929–1932 гг. На них приходится коллективизация, раскулачивание, высылка кулацких семей, жёсткое давление на церковь, «чистка» учебных заведений. Именно в эти годы в партийных документах всё чаще стали звучать тревожные ноты о месте и роли религиозного фактора в колонистской среде [4], отмечалась «усиливающаяся агрессивность действий духовенства» [5]. Социально-экономическим фоном происходившего было проведение коллективизации, с её элементами разрушения сельской религиозной общины, насильственного изъятия наиболее крупных крестьянских хозяйств и значительной части середняцких. Активизировался процесс использования административно-принудительных форм работы.

Власть, отбросив сантименты, обрушилась на церковь и религию. Служители религии лишились избирательных прав, облагались непомерно высокими налогами, церкви выселялись из собственных помещений. Религиозная паства и сами религиозные служители оставались без культовых помещений [6].

Одной из завуалированных форм репрессивной политики государства тех лет, по нашему мнению, может считаться привлечение населения к работе в тыловом ополчении. Формально, речь шла о формах замены воинской повинности, которую меннониты, в силу своего религиозного пацифизма, не могли нести, привлечением в тыловое ополчение. Однако, фактически речь шла о возрождении трудовой армии. Подтверждением этого служит постановление Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата труда УССР от 19 сентября 1930 г. о привлечении граждан, «зачисленных в тыловое ополчение к трудовой повинности» [7].

Вместе с меннонитами трудовую повинность отбывали немцы и представители других национальностей. Но меннониты и немцы занимали гораздо больший процент работавших. Так, на Днепрострое, в одном из списков, привлечённых из Мелитопольского округа, где немецко-меннонитское население составляло 6% от всех жителей, их было 16%. О том, что трудармейцы могут рассматриваться как субъекты, подвергнутые своеобразному наказанию, говорят такие факты: 1) основная часть занятых были людьми, лишёнными избирательных прав; 2) большая часть трудармейцев были сельскими жителями, не вступившими в колхозы; 3) в документах был определён их социальный статус как «бывших служителей религиозного культа», «на содержании бывшего эксплуататора», «бывший кулак», «бывший эксплуататор». Кроме того, эта категория населения уже тогда каралась 58-й статьёй Административного и Криминального кодекса УССР. Основанием для этого становились: отказ от выполнения отдельных работ, самовольная отлучка с работы, невыполнение установленных норм.

В силу вышеперечисленного считаем, что участие в трудармии может быть рассмотрено не только как стремление власти интегрировать определённую часть населения в новую социальную среду, привлечь дополнительные трудовые ресурсы к модернизации общества, но и форма, завершающей в тот момент оформление репрессивной политики. Подтверждением этого являются слова И. В. Сталина, сказанные в 1930 г.: «*Репрессии в области социалистического строительства есть необходимый элемент наступления...*» [8].

Очередным этапом репрессий является 1933–1936 гг. Если предыдущие периоды имели в зна-

чительной мере социально-классовый характер и практически касались всего населения, то для этих лет политике репрессий свойственен уже национальный окрас. Это было обусловлено следующими обстоятельствами: внешнеполитическими (приход в Германии к власти фашистов с чётко выраженной антикоммунистической идеологией, расчёт гитлеровцев в своих внешнеполитических планах на создание «пятой колонны» за счёт зарубежных немецких диаспор); геополитическими (стремление укрепить границы и удалить потенциально опасные диаспоры из приграничной зоны); политическими (борьбой с оппозицией – реальной и мнимой, жертвами которой стали политэмигранты, бывшие немецкие военнопленные с лидерами, взявшими на себя организацию помощи голодающим (чаще всего это были священнослужители); борьбой с церковью и окончательный её разгром; чисткой партийного и советского аппарата, жертвами которого становились коммунисты-романтики, свято поверившие в светлые идеалы коммунизма, и замена их людьми лояльными, склонными к беспринципности, далёкими от профессионализма).

Политические репрессии в отношении национальных меньшинств были не новым явлением во внутренней политике государства. Но именно в эти годы население (немцы и поляки) приграничных территорий стало объектом особого «внимания». Так, согласно оперативному приказу ГПУ № 42167 от 7 марта 1930 г., из районов всеобщей коллективизации началось выселение активных и наиболее богатых кулацких элементов в восточные регионы СССР (Сибирь, Казахстан) и в восточные области Украины (Харьковскую, Луганскую, Донецкую). Если вначале это выселение имело чётко определённые параметры – 20 тыс. семей, то в последующие годы происходившие процессы были ничем не ограничены. Началась массовая фабрикация так называемых дел по «контрреволюционным», «повстанческим», «фашистским» организациям. Примером может служить ситуация на Житомирщине. Созданная ЦК КП(б)У 3 апреля 1934 г. специальная комиссия для обследования Пулинского немецкого национального района (с 1935 по 2016 гг. – Червоноармейский район) в своих выводах заявила, что партийная организация района не обращала внимания на «засорение» колхозов «кулацким элементом», что создало возможность для работы «кулацко-фашистских агентов» [9].

Такие заключения влекли за собой соответствующие действия властей, одним из следствий которого стало массовое бегство немецкого населения. Район покинули 826 хозяйств, что составило 14% от общего количества хозяйств этого района [10]. Оставшееся население в дальнейшем

подвергалось моральному давлению и политическим репрессиям со стороны органов власти. Были уволены 29 учителей немецких школ, объявленных «классово-враждебным элементом». В 1935 г. ещё одна группа населения была арестована и обвинена в шпионско-диверсионной работе, в распространении «гитлеровской помощи», формировании «фашистских кадров». 20 декабря 1934 г. политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О переселении из приграничных районов». Согласно ему, выселялись практически все немцы, квалифицировавшиеся властью, как «враги народа». Практика выселения немцев в районы Сибири, Казахстана, юга Украины набирала обороты. Уже с 20 февраля по 10 марта 1935 г. из приграничных районов Киевской и Винницкой областей в восточные районы СССР было переселено 1903 немецкие семьи [11]. А 27 октября 1935 г. нарком внутренних дел СССР Г. Г. Ягода в письме к председателю совнаркома В. М. Молотову писал: «Проведённое переселение в значительной мере очистило пограничные районы от контрреволюционных, националистических (польских и немецких) и антисоветских элементов...» [12].

В эти годы резко менялись формы наказания. Становились практически нормой расстрельные статьи приговоров. Размах репрессий принял большой масштаб. Население бывших немецких колоний, в которых по-прежнему проживала большая часть немцев и меннонитов Украины, становились объектом деятельности органов безопасности.

Пик репрессий против немецкого населения, именуемый в научной литературе как «Большой террор», приходится на 1937–1938 гг. В этот период советская власть проявила не только свою социальную, но и национальную составляющую в проведении политики репрессий. Началась массовая «бульдозерная зачистка» всех лиц, которые, по мнению властей, были потенциально опасными в условиях будущей войны Германии с Советским Союзом. Такими становились: бывшие германские военнопленные, оставшиеся в Украине, многие из которых были «заражены вирусом коммунизма»; политэмигранты, спасавшиеся от фашистских застенков; перебежчики из Германии, мечтавшие причаститься к «новой эре человечества»; бывшие германские подданные, работающие на оборонных предприятиях, на транспорте; бывшие российские военнопленные; служащие немецких предприятий; жёны осуждённых по немецкой линии; лица, шпионившие в пользу Германии; бывшие «кулаки»; дети бывших «кулаков». Список категорий людей, подвергшихся массовому террору, можно значительно расширить, ибо его составление всецело зависело не только от распоряжений, издаваемых в верх-

них эшелонах власти, но и от «фантазий» местных органов НКВД.

Годы 1937–1938 характеризовались воинственным российским национализмом, усиленным и закреплённым травмой войны 1914–1918 гг., присутствием кайзеровских войск на украинских территориях в 1918 г. Подтверждение последнему находим в докладе народного комиссара внутренних дел Украины А. И. Успенского от 1 апреля 1938 г. В нём речь идёт о связях штурмовых отрядов, созданных в Украине в 1937–1938 гг., с событиями прошлых лет: «...штурмовой отряд первоначально был создан в 1918 г. германскими оккупантами», «...в составе организации были лица, служившие в немецких комендатурах», «... арестован в Харькове резидент немецких разведывательных органов с 1912 г. профессор Бельц Адам Адамович», «Кишинский Михаил завербован в 1917 г. резидентами германской разведки Вильке и Гельферихом», «арестованный Винник Михаил [...] показывает о своей вербовке в 1918 г. Вильке и Гельферихом в пользу Германии», «Эйзенбраум Роберт – резидент германской разведки с 1913 г.» и т. д.

Спецификой репрессий немцев в Украине было то, что здесь существовал учёт лиц немецкой национальности. Эта практика была начата ещё в 1912 г. распоряжением главного управления Генерального штаба. Согласно ему, все контрразведывательные отделения составляли и периодически дополняли списки лиц, подлежащих аресту или высылке в «подготовительный к войне период» из районов мобилизации и возможных боевых действий [13]. Подобный учёт был вплоть до начала Великой Отечественной войны [14]. Количественные показатели репрессированных немцев в эти годы были несколько меньшими, чем поляков. Однако это вовсе не означает проявление какой-либо мягкости НКВД по отношению к представителям этого этноса. Просто волной репрессий предыдущих лет они уже были сметены с социально-экономической и политической палитры региона. На XIII съезде КП(б)У (май - июнь 1937 г.) было предложено депортировать всех немцев, так как, по мнению выступающих, они «заражены фашистской идеологией». Восприняв это как фактическую установку НКВД, начала осуществляться соответствующая операция. Суточная норма арестов по «немецкой контрреволюции» в 1937 г. по Украине составляла 100 человек [15].

Следует выделить в репрессивной политике советского государства тех лет несколько групп населения:

- интеллигенцию: научную, преподавателей вузов, техникумов, учителей;
- сельскую интеллигенцию: учителей, заведующих клубами, библиотеками;

- техническую интеллигенцию: на заводах, шахтах, транспорте;
- партийно-хозяйственных руководителей, руководителей немсекций, райкомов, сёл, учебных заведений, предприятий, МТС;
- крестьянство.

Обратимся к материалам репрессий немецкого населения в Днепропетровской области. Выбор этой территории в качестве объекта исследования обусловлен тем, что она, включавшая в 1937–1938 гг. и нынешнюю Запорожскую область, была одним из основных мест расселения этнических немцев на территории Украины. К началу 1937 г. здесь проживало более 115 тыс. лиц немецкой национальности. Исследования украинского историка В. Н. Никольского [16] позволяют отметить место немецкого населения области в общем количестве репрессированных в эти годы. В 1937 г. в области было арестовано 10,2% всех немцев республики. По характеру преступлений, инкриминированных органами безопасности, арестованные обвинялись в следующем:

- в повстанческой контрреволюционной деятельности (по области 65,2% арестованных);
- во вредительстве (по области 3,8% арестованных);
- в террористической деятельности (по области 8,4% арестованных);
- в диверсионной деятельности (по области 14,4% арестованных);
- в предательстве (по области 1,1% арестованных);
- в шпионаже (по области 100% арестованных);
- в фашизме (по области 100% арестованных);
- по «кулацкой» линии (по области 84,6% арестованных).

Данные свидетельствуют о том, что арестованным предъявлялись обвинения сразу по нескольким статьям.

Большинство немцев Днепропетровщины (около 95 тыс.) проживали в сельской местности на территории 3 немецких национальных районов (Люксембургского, Молочанского, Ротфронтского) и 32 национальных сельских советов. Более 20 тыс. немцев являлись жителями городов области.

Первые аресты среди немцев Днепропетровщины начались ещё в июне 1937 г. Тогда была арестована большая группа немцев-колхозников в Запорожском районе по обвинению в создании фашистской повстанческой организации. Анализ документов свидетельствует о том, что аресты носили бессистемный характер. Так, в одних сёлах были произведены единичные аресты (в Заградовке 2 чел. из 170 жителей, в деревне Розенгарт 9 мужчин из 300 жителей), в других местах аресты

носили массовый характер, например, Кондратьевка – 75 мужчин (18%) из 400 жителей этого села.

Особо крупномасштабными репрессии стали после появления известного приказа № 00447. Так, в частности, массовыми арестами были отмечены сентябрь, ноябрь и декабрь 1937 г. После паузы в январе 1938 г., вызванной, скорее всего, перегруженностью тюрем, массовые аресты возобновились в феврале и марте. Следующее резкое снижение количества арестов наступило в апреле и закончилось в начале июня 1938 г., когда начался новый всплеск масштабных арестов среди немецкого населения, который продолжался вплоть до середины ноября 1938 г. Репрессии среди сельского населения имели свои особенности. Документы свидетельствуют о том, что необходимость проведения календарных сельскохозяйственных работ и нехватка рабочих рук в сёлах, приводили к освобождению части сельского контингента арестованных, которые возвращались в сёла. Выполнив эти работы, они потом вновь оказывались в тюремных застенках, и чаще всего были расстреляны.

По данным В. В. Ченцова и Д. В. Архирейского, за период с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. на территории области было репрессировано 7857 немцев [17]. Мартиролог «Реабілітовані історією» [18] содержит информацию о более 5,5 тыс. немцах, репрессированных в 1937–1938 гг. (см. табл. 1) [19]. Поражает суровость вынесенных приговоров – около 83% арестованных было приговорено к высшей мере наказания – расстрелу. В число же освобождённых (45 чел.) вошли, главным образом, лица, осуждённые к различным срокам заключения, но выпущенные на свободу в первой половине 1939 г., 7 чел. были высланы за границу, как иностранные подданные.

Абсолютное большинство репрессированных составляли мужчины. Доля же репрессированных женщин была незначительной (0,01%). Несмотря на это, сам факт арестов может быть рассмотрен и оценён как начало практики уничтожения генофонда немецкого народа. Она (практика) в полной мере была осуществлена уже в период войны (трудармия). Составной частью этого процесса были аресты жён репрессированных и судьбы их детей. Жёны разделяли судьбы своих мужей, а дети лишались национальных корней. Многие из них получали в детских домах новые фамилии и имена. В их сознании вытравливалась всякая память о семье, о своей национальности, о культуре.

В ноябре 1937 г. НКВД отменил «расширение» к приказу № 486. Причиной стали ограниченные возможности размещения женщин в и без того переполненных тюрьмах и отсутствие мест в детских домах. Но периодически, особен-

Результаты репрессий 1937–1938 гг. против немецкого населения Днепропетровской области

Год	Мужчины						Женщины					Всего						
	арестовано	из них					арестовано	из них				арестовано	из них					
		расстреляно	осуждено в лагерь	выслано	освобождено	неизвестно		расстреляно	осуждено в лагерь	выслано	освобождено		неизвестно	расстреляно	осуждено в лагерь	выслано	освобождено	неизвестно
1937	2762	2301	450	2	2	7	42	11	22	1	-	8	2804	2312	472	3	2	15
1938	2747	2283	411	3	42	8	14	6	4	1	1	2	2761	2289	415	4	43	10
Итого	5509	4584	861	5	44	15	56	17	26	2	1	10	5565	4601	887	7	45	25

но в городах, отдельные местные Управления НКВД по собственной инициативе предпринимали административные высылки семей осуждённых по немецкой линии. Поводом становились: 1) принадлежность к «уязвимой» этнической группе населения; 2) проживание в национальном районе или режимной территории; 3) работа в сферах, имеющих оборонный характер (машиностроение, транспорт, энергетика, металлургическая, химическая, угольная промышленности).

Массовые репрессии, начатые против немцев в рамках так называемой «кулацкой операции», переросли в преследование их по национальному признаку. Они находились в одном ряду с представителями других западных национальных меньшинств. Тезис о преследовании немцев именно по национальному признаку звучал уже в докладной записке наркома НКВД Украины А. И. Успенского от 1 апреля 1934 г. Подтверждается он и показаниями бывшего сотрудника НКВД, который позднее заявлял, что было личное указание наркома «арестовать поляков и немцев независимо от того, достаточно ли на них материалов для ареста. На этом основании, при составлении справок на арест поляков и немцев, доминирующую роль играла их национальность». Таким образом, энкаведистами фактически реанимировался старый лозунг российских шовинистов эпохи Первой мировой войны: «Этнический немец – внутренний враг государства».

Массовый террор 1937–1938 гг. имел негативные последствия как для различных категорий и групп немцев, так и для всего немецкого населения в целом. В первую очередь, это касалось немецких сёл, где жертвами террора стали 4802 жителя. Понимание невозможности обвинения сельского населения в троцкизме в силу массовой политической безграмотности, осознавая наличие в среде крестьянства недовольства своим социально-экономическим положением, учитывая ранее полученную многими из них финансовую помощь из-за границы во время голода, большинство сельских жителей обвинялось в участии

в террористических фашистских организациях, подготовке вооружённых операций, час выступления которых должен был начаться с момента непосредственного нападения фашистской Германии на СССР. Эта категория населения была наиболее массовой.

Несмотря на значительное доминирование в этом печальном мартирологе рядовых колхозников, прослеживается явная сфокусированность репрессий на тогдашней элите немецкого села. В табл. 2 отражены масштабы репрессий против неё. Всего было репрессировано 687 чел., занимавших важные места в различных сферах экономической и общественной жизни немецкой деревни. В целом доля элиты в общем количестве репрессированных сельских жителей составила более 14%.

Огромные потери понесло руководство немецких колхозов и их структурных подразделений. Всего была репрессирована примерно пятая часть их общего числа по области. Главным образом это были руководители так называемой «первой волны коллективизации». Тогда немецкое население, понимая неизбежность происходивших процессов, выдвинуло из своей среды людей, имевших и уже обнаруживших необходимые лидерские и управленческие качества. В своей работе они стремились достичь разумного баланса интересов между избравшим их населением и требованиями власти. Защищая интересы людей, они нередко вступали в конфликты с партийным, советским руководством, требовавшим беспрекословного выполнения далеко не всегда правильных установок. В силу этого в предшествующие годы часть таких людей была заменена на послушных власти исполнителей. Оставшиеся неформальные лидеры в немецких сёлах были практически уничтожены в годы «Большого террора». Аналогичной была судьба большой группы специалистов аграрного производства и сельской интеллигенции.

Непоправимый удар был нанесён немецкой школе. Она, наконец, была добита. Более 60% репрессированных учителей составляли когорту старой, дореволюционной школы. Несмотря на

Репрессии против элиты немецкого села

Производственный сектор (колхозы и перерабатывающие предприятия)																			
Председатели и директора		Заместители		Секретари правлений колхозов		Бригадиры		Заведующие фермами		Ветврачи		Ветфельдшеры		Зоотехники		Бухгалтера и счетоводы		Агрономы и техники	
38		5		5		125		57		4		13		28		136		19	
Общественный сектор и сфера услуг																			
Сельские советы			Образование					Медицина			Пресса		Торговля			Почта и связь			
Председатели	Заместители	Секретари	Заведующие клубами	Заведующие районно	Директора	Учителя	Преподаватели	Главврачи	Врачи	Бухгалтеры	Главные редакторы	Сотрудники	Заведующие магазинами	Продавцы	Бухгалтеры	Начальники отделов	Сотрудники		
6	8	9	8	1	31	91	5	2	5	5	2	7	28	32	9	3	5		

действия властей по их идеологическому перевоспитанию в 1920-е гг., они оказались непригодными, по мнению тех же властей, к воспитанию молодого поколения советских людей. Среди репрессированных педагогов оказались и выпускники национальных педагогических училищ первой половины 1920-х гг. (составили 30% от общего числа репрессированных учителей). Такие цифры, скорее всего, свидетельствуют о том, что в те годы власть ещё не успела установить в учебных заведениях свой тотальный идеологический контроль. Оставшаяся группа арестованных педагогов, окончившая вузы и училища во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг., очевидно, не устраивала власть из-за проявления отдельных случаев нелояльности к ней. На смену репрес-

сированным педагогам пришли молодые учителя (часть уже не немецкой национальности), главной задачей которых в процессе обучения была не передача знаний и формирование навыков, а, прежде всего, идеологическое воспитание подрастающего поколения. Точку в существовании национальной школы поставила принудительная ликвидация национальных школ, осуществлённая властями осенью 1937 г.

Огромные потери понесла и немецкая элита городов. Из табл. 3 видно, что репрессии затронули более чем 200 организаторов производства, управленцев различных уровней, представителей технической и педагогической интеллигенции. Это составило около 27% всех репрессированных городских немцев.

Таблица 3

Репрессии против немецкого городского населения Днепропетровской области

Всего репрессированных	Промышленность									Образование и медицина				Торговля и сфера обслуживания				Другое					
	Директора предприятий	Начальники цехов и заместители	Бригадиры	Инженеры	Конструкторы	Мастера	Бухгалтеры и счетоводы	Рабочие	Прочие	Преподаватели вузов и техникумов	Директора школ	Учителя	Ученики и студенты	Медики	Прочие	Заведующие	Бухгалтеры и счетоводы	Продавцы	Мастера	Прочие	Пенсионеры	Безработные	Неизвестно
763	2	27	14	8	11	42	47	408	16	8	3	22	14	9	7	8	14	4	9	12	2	23	43

Трагические события 1937–1938 гг. довершили и разгром немецких церквей. «Большой террор» самым негативным образом сказался на структуре и жизнедеятельности традиционной немецкой семьи. Как выше уже отмечалось, почти абсолютное большинство арестованных составляли мужчины. В основном они имели возраст от 25 до 45 лет и были главами многодетных семей. Из проанализированных данных по 62 немецким сёлам области видно, что в большинстве из них (а именно – в 42) эти потери колебались от 26% до 55%. Максимальными были потери (более 76%) в поселениях, находившихся вблизи крупных административных центров – Днепропетровска и Кривого Рога. Эти немецкие сёла, вероятно, были своеобразным резервуаром для карательных органов, из которого черпались недостающие проценты для выполнения необходимых плановых показателей по репрессиям.

Тяжкую ношу главных кормильцев семьи пришлось взвалить на себя их жёнам, которые были хранительницами домашнего очага и одними из основных передатчиков детям культурных традиций, верований и обычаев своего народа. Подрастающее поколение, оказавшееся без опеки, становилось лёгкой добычей советской пропагандистской машины, стремившейся к формированию у него религиозного нигилизма и способствовавшего процессу дальнейшей деэтнизации.

Одним из самых негативных последствий массового террора стало развитие в немецких сёлах

атмосферы страха и подозрительности не только к представителям других национальностей, проживавших в них, но и возникновение недоверия (часто необоснованного) и к некоторым своим соплеменникам. Всё это вело, вместе с рядом других факторов, к разрушению былой национальной сплочённости украинских немцев, позволившей им в предшествующие периоды их истории успешно противостоять многим острым вызовам внешнего мира.

Таким образом, следует отметить, что в период «Большого террора»:

- немецкая диаспора Украины понесла значительные человеческие жертвы;
- немцы подвергались репрессиям как по причине своего социального происхождения, так и по национальному признаку;
- особенно масштабные потери понесла немецкая управленческая элита и интеллигенция;
- окончательно были ликвидированы немецкие церкви;
- прекратила своё существование немецкая национальная школа;
- проявились и начали развиваться деструктивные процессы как на уровне отдельных семей, так и в среде немецкого сообщества в целом. Активно шёл процесс разрушения национальной идентичности. Этапы её разрушения практически совпадают с периодами начала и продолжавшегося процесса нарастания террора в отношении немцев Украины.

Библиографические ссылки

1. **Вашкау, Н. Э.** Школа в немецких колониях Поволжья / Н. Э. Вашкау. – Волгоград, 1998. – С. 162.
2. **Герман, А. А.** Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам / А. А. Герман // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев: Матер. Междунар. научн. конф. – М., 1999. – С. 21.
3. ЦГАОО. – Ф. 1, оп. 7, д. 448, л. 251; ГАДО. – Ф. П-1, оп. 1, д. 1525, л. 2об., 12, 35, 41, 122, 123, 136.
4. ГАДО. – Ф. П-1, оп. 1, д. 2235, л. 8.
5. ГАДО. – Ф. П-7, оп. 1, д. 519, л. 95–104.
6. ГАДО. – Ф. П-1, оп. 1, д. 1525, л. 32.
7. ГАЗО. – Ф. Р-955, оп. 14, д. 400, л. 3–3об.
8. **Сталин И. В.** Соч. Т.12. – С. 309.
9. ЦГАДО Украины. – Ф. 1, оп. 7, д. 346, л. 115; Ф. 1, оп. 1, д. 346.
10. ЦГАГО Украины. – Ф. 2, оп. 6, д. 350, л. 152.
11. ГАРФ. – Ф. 5446-СС, оп. 16, д. 262, л. 14.
12. Цит. по: Жезицкий, Н. Масові депортації населення Поділля (друга половина 30-х рр. ХХ ст.) / Н. Жезицкий // 3 архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ: наук.-документ. журн. – 1992. 1/2. – С. 128.
13. **Звонарєв, К. А.** Агентурная разведка: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1919 гг. / К. А. Звонарєв. – Кн. 2. – М., 2003. – 224 с.; Немецкий шпионаж в России (Подготовил публ. С. Кудряшов) // Родина. – 1993. – 5/6. – С. 92–95.
14. ГАЗО. – Ф. 209 С/Б 1393, д. 14, л. 7, 8.
15. **Ченцов, В. В., Архирейський, Д. В.** Зв'язки з Німеччиною як фактор репресій німецького населення Дніпропетровщини 1930-х рр. (рукопис).
16. **Нікольський, В. М.** Статистика політичних репресій 1937 р. в Українській РСФ / В. М. Нікольський // 3 архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ: наук.-документ. журн. – 2000. – 2/4. – С. 103–112; Нікольський, В. М. Національні аспекти політичних репресій 1937 р. в Україні / В. М. Нікольський // Український історичний журнал: наук. журнал. – 2001. – № 2. – С. 74–89; Нікольський, В. М. Репресії органів державної безпеки щодо німців України у 1937 році: кількісні показники / В. М. Нікольський // Вопросы германской истории: сб. науч. трудов / отв. ред. С. И. Бобылева. – Днепропетровск: Из-во Днепропетровского ун-та, 2001. – С. 51–62.
17. **Ченцов, В. В., Архирейський, Д. В.** Зв'язки з Німеччиною як фактор репресій німецького населення Дніпропетровщини 1930-х рр. (рукопис).
18. Реабілітовані історією: у 27 т. Дніпропетровська область: у 2 кн. / упорядники: Є. І. Бородин та ін. Кн. 2. – Дніпропетровськ: Науково-редакційний центр обласної редколегії з підготовки й видання тематичної серії книг «Реабілітовані історією»; Вид-во «Моноліт», 2008. – 1118 с.
19. Составление и анализ статистических материалов осуществлялись при участии сотрудников Центра украинско-немецких научных исследований ДНУ имени Олеса Гончара к.и.н. А. И. Безносова и Т. Л. Петровой.

Надійшла до редколегії 25.05.2017